
РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ГРАЖДАНСКАЯ РЕЛИГИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ*

Митрофанова А. В.**

Цель данной статьи – продемонстрировать, что официальный дискурс о традиционных духовно-нравственных ценностях в России представляет собой попытку конструирования гражданской религии, обладающей потенциалом для объединения российской нации и обеспечения религиозной санкции существующей политической системе. Хотя термин «гражданская религия» открыто не используется, очевидно, что духовно-нравственные ценности способны наделять трансцендентным смыслом светские политические концепции и институты. Автор полагает, что конструируемая гражданская религия не имеет прямого отношения к существующим религиозным системам. В настоящий момент она сосредоточена на Победе в Великой Отечественной войне, которую представляет как сакральное внеисторическое событие, объединяющее общественную и частную сферы. Особое внимание уделено гражданским ритуалам, обнажающим религиозную природу традиционных ценностей.

Ключевые слова: гражданская религия в России, трансцендентная легитимность, традиционные духовно-нравственные ценности, День Победы, гражданские ритуалы, национальная идея в России.

The article aims at demonstrating that the official discourse about traditional spiritual-moral values in Russia represents an attempt to construct a civil religion with a potential to unify the Russian nation and to provide religious sanction to the existing political system. The term «civil religion» is not openly used; but spiritual and moral values are apparently able to give transcendental meaning to mundane political concepts and institutions. The author suggests that civil religion under construction is not directly related to the established belief systems. Instead, it is centered on the Victory in the Great Patriotic War understood as a sacred «out of

* Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (номер проекта: 18-0-11-00598).

** Митрофанова Анастасия Владимировна – д. полит. н., профессор Департамента политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, профессор факультета международных отношений и зарубежного регионоведения РГГУ, профессор факультета религиоведения Православного института Святого Иоанна Богослова. E-mail: avmitrofanova@fa.ru.

history» event that unites the public and the private. Special attention is paid to civic rituals that reveal the religious nature of traditional values.

Keywords: *civil religion in Russia, transcendental legitimacy, traditional spiritual-moral values, Victory day, civic rituals, national idea in Russia.*

Введение

В последние годы ценности стали чрезвычайно политизированной проблемой во всем мире. Общественная дискуссия о национальных ценностях происходит везде, где свобода слова существует в принципе. Всемирные «войны ценностей» свидетельствуют о глубоком кризисе современного общества перед лицом многочисленных моральных вызовов, таких как биоэтика, кризис института брака, эвтаназия, размывание гендерной идентичности. На фоне ценностных конфликтов хрупкими выглядят даже консолидированные общества. Неудивительно, что духовно-нравственные ценности (известные также как традиционные) заняли центральное место в российских внутривнутриполитических дискуссиях. Некоторые исследователи даже утверждают, что примерно в начале 2010-х гг. в российской политике произошел «поворот к морали» [Engström 2014; Laine, Saarelainen 2017; Laruelle 2014; Sharafutdinova 2014].

Политика ценностей в России остается малоисследованной проблемой. Большинство научных публикаций посвящены специфическим аспектам дискурса о традиционных ценностях [Blakkisrud 2016; Chebankova 2016; Horvath 2016; Laine 2016; Østbø 2016; Sharafutdinova 2014; Stepanova 2015; Wilkinson 2014], при этом политика ценностей не поставлена в более широкую концептуальную рамку, например, в рамку гражданской религии. Существует также определенная этнографическая литература о новых гражданских ритуалах и сакральных пространствах, построенная на эмпирических исследованиях [Браун 2015; Габович 2015; Колягина, Конрадова 2015; Ушакин 2014; Резникова 2015; Юдкина 2015; Gabowitsch 2016]. Данная статья призвана продемонстрировать, что официальный дискурс о традиционных духовно-нравственных ценностях является попыткой создания гражданской религии, способной объединить российскую нацию и обеспечить трансцендентную легитимность существующей политической системы. Хотя термин «гражданская религия» до сих пор официально не использовался, концепция традиционных духовно-нравственных ценностей, очевидно, предназначена придать вполне светским политическим понятиям и институтам некоторое сакральное значение. Поскольку природа зарождающейся гражданской религии носит скрытый характер, внимание автора сосредоточено на том, как результаты ее конструирования представлены в официальном дискурсе и гражданских ритуалах. Восприятие гражданской религии гражданами России находится вне пределов данной статьи.

1. Гражданская религия, национальная идентичность и трансцендентная легитимность: теоретический обзор

Разделение российского общества на антагонистические группы по таким параметрам, как этничность, религия, благосостояние, отношение к прошлому и т. д., остается глубоким. Иногда кажется, что гражданская война в России не

закончилась: настолько быстро происходит поляризация граждан на основе оценки давно прошедших событий и умерших исторических фигур. Даже у русского большинства отсутствует единая интерпретация истории и видение будущего, что свидетельствует о кризисе национального единства. Каждая проблема, какой бы незначительной она ни была, провоцирует немедленную мобилизацию групповой лояльности, которая выливается в волну сетевых репостов и последующих интернет-битв. В качестве объединяющих площадок антагонистические группы используют социальные сети (при незначительном выходе за пределы Интернета), так как российский социально-политический климат не способствует публичному обсуждению болезненных вопросов.

Можно согласиться с норвежским исследователем Полом Колстё, что «Россия, несомненно, является полноценным, международно признанным государством, но это не превращает ее автоматически в национальное государство... С момента распада Советского Союза среди граждан России существует заметный недостаток ощущения общей цели и идентичности» [Kolstø 2004: 8]. Хрупкость национального единства россиян обнажилась, например, в обращении президента к гражданам, сделанном в сентябре 2004 г., после убийства заложников в Беслане. Широко обсуждавшаяся фраза «Мы назвали новую страну Российской Федерацией» подчеркивала, что, вопреки необходимости «мобилизовать нацию» (о чем говорилось в том же обращении), нации как таковой еще не существовало [Обращение... 2004]. Фрагменты СССР, «названные» Российской Федерацией, были единственным доступным строительным материалом для нового государства.

Другие официальные заявления также выдают не только проблемы национального единства, но и недостаточную легитимность политической системы «нового» государства. Россия переживает двусторонний кризис, затрагивающий и национальное единство, и государственную легитимность. В идеальной ситуации консолидированная нация и легитимная государственная система усиливают друг друга; в российской ситуации слабая нация и слабое государство взаимно подрывают друг друга. Разнообразие политических позиций в стране – нормальное явление, но государственные институты могут функционировать, только когда большинство граждан уважает их легитимность. Если значительное число людей отрицает легитимность политической системы, данное государство находится в зоне риска. В таких обстоятельствах задача правительства – балансировать между антагонистическими позициями внутригосударственных групп, пытаясь в то же время примирить их и выдвинуть проект национального единства. Успешный проект разрешит кризис государственной легитимности – и наоборот. Проблема заключается в том, что сцепка «легитимность/единство» нуждается в религиозной санкции.

Согласно классической работе Карла Шмитта о политической теологии, все политические (относящиеся к государству) концепции представляют собой секуляризированные версии богословских понятий [Schmitt 2005: 36]. Изучение политики фактически представляет собой анализ нисхождения сакрального в мир политических явлений. Политические идеи и институты нуждаются в трансцендентной санкции, которая детерминирована их близостью к сакральному. Подход Шмитта отражен, например, в Основах социальной концепции Русской право-

славной церкви, где говорится о иерархии политических режимов [Социальная... 2001: 39]. В соответствии с приоритетами Церкви прямое Богоправление, или теократия, описанная в Книге Судей, представлена в качестве предпочтительного режима, поскольку ее трансцендентная легитимность очевидна. Монархия (самодержавие) расположено на ступень ниже, но все еще обладает значительной долей трансцендентной легитимности. Монархов некогда почитали как божества (египетских фараонов, японских императоров), как потомков божества (существовала легенда, что Меровинги являются потомками Христа) или просто как чудотворцев. Веками люди верили, что монархи Франции и Англии способны исцелить золотуху наложением рук – «королевским прикосновением» [Bloch 1973]. Сэмюэла Джонсона, знаменитого английского писателя, в 1709 г. ребенком приводили к королеве Анне для чудесного исцеления [Hone 2017: 95]. Монархия, таким образом, может быть относительно просто легитимизирована через прямую апелляцию к сакральному.

Трансцендентная санкция становится проблематичной в случае немонархических режимов, таких как диктатура и демократия. Появление светских режимов привело к тому, что они потребовали сложных форм религиозной легитимности. Диктатура может добиться ее посредством культа личности, который создается и поддерживается средствами массовой информации, национальными системами образования и пропагандистским искусством. Диктаторов представляют как сверхъестественных существ, воплощения национального духа, чья мудрость и сила значительно выше, чем у среднего человека. Например, Сапармурат Ниязов, бывший президент Таджикистана с 1990 г. и до своей смерти в 2006 г., называл себя Отцом Туркмен (Туркменбаши); он переименовал месяц апрель в честь своей матери, январь – в свою честь, а также воздвиг свою позолоченную статую, которая вращалась по ходу солнца. По наблюдениям Абея Полесье и Славомира Горака, «несмотря на то, что богом он себя [по крайней мере, при жизни] не изображал, в поездках по стране президент регулярно демонстрировал свои “божественные способности” многими способами, например, показывая способность предсказывать погоду или предвидеть важные события в стране» [Polese, Horák 2015: 462]. Иди Амин, президент Уганды в 1971–1979 гг., официально называл себя Повелителем всех земных зверей и морских рыб, а президент Гаити Франсуа Дювалье изображал из себя вудуистское божество Барона Субботу. На таком фоне любая политическая оппозиция становится нелегитимной по определению, поскольку противопоставляет себя всей нации, воплощенной в «отце» и символе.

Демократии изобрели свой путь легитимации с помощью четко сформулированной концепции гражданской религии, способной обеспечить трансцендентную санкцию политическим идеям и институтам. Ж.-Ж. Руссо (1762, «Об общественном договоре») писал, что даже республиканское государство неспособно выжить без религиозного основания. Он предположил, что для санкционирования существующего политического порядка необходима гражданская религия, и выдвинул идею квазитрансцендентности политических понятий и институтов. В XX в. к этой идее вернулся американский социолог Роберт Белла, ставший основателем современных научных подходов к гражданской религии [Bellah 1967].

Сначала гражданские религии не ассоциировались с демократией, поскольку японский синтоизм считался их признанным примером. Американский исследователь Дон Бейкер подчеркивает, что синтоистский культ был сконструирован искусственно, чтобы обеспечить духовную основу новых, пореформенных политических институтов: создатели современной Японии «возвели поклонение местным божествам в статус нового национального культа, который назвали Синто (путь богов), а затем перешли к созданию национальной сети жрецов – с целью как отправления ритуалов, так и пропаганды доктрины, которая, как они надеялись, сможет внушить японскому народу любовь к Японии и японскому императору» [Baker 1997: 157]. Симптоматично, что Роберт Белла называл «американским синтоизмом» гражданскую религию США [Белла 1996: 676]. Тем не менее гражданская религия и демократическое правление уживаются довольно хорошо. Гражданские религии существуют в большинстве устойчивых демократий.

Проще всего заклеить гражданскую религию как профанацию священного. По этой причине ее отвергают две категории людей: во-первых, это верующие и неверующие люди, обладающие современным (секулярным) представлением о религии как сфере, отделенной от других сфер общества, включая политику [см., например: Novogin 2017: 258, 262]. Во-вторых, гражданская религия неприемлема для людей досекулярных (традиционных), обладающих, по формулировке Дональда Смита, целостным мировоззрением, которое «отрицает различие между сакральным и секулярным» [Smith 1974: 17], а также для религиозных фундаменталистов [о фундаментализме см.: Mitrofanova 2014], которые сознательно стремятся вернуться в досекулярный мир. Невзирая на эти отрицательные реакции, гражданские религии неизбежно носят синкретический характер, поскольку их сакральные элементы инструментальны – они используются для легитимации политического.

Концепция постсекулярности [Узланер 2013] или, в более радикальной версии, десекуляризации [Berger 1999] помогает осознать двусмысленность гражданской религии. Мир, в котором мы живем, не является секулярным на сто процентов, он пережил момент «расколдовывания», но не смог остаться без религии, поскольку сакральное все еще необходимо в качестве инструмента легитимации. Дмитрий Узланер справедливо утверждает, что религия возвращается не на пустое место, а в ландшафт, созданный процессами секуляризации [Узланер 2013]. Гражданская религия – двусмысленный феномен, одновременно принадлежащий сферам религии и политики. Его функции намного уже, чем у религии: они сводятся к объединению нации и санкционированию государственных институтов.

Единого понимания отношений между гражданской религией и тем, что в других работах известно как национальная (государственная) идеология, не существует. Я полагаю, что это синонимичные термины, каждый из которых подчеркивает собственную сторону медали. Концепция гражданской религии больше применима в случае прямых ссылок на трансцендентное (Бога, богов, божества и т. д.), в то время как концепция национальной (государственной) идеологии может применяться к обществам, где ссылки на сакральное не так очевидны (апелляция к национальному духу, вечно живым героям и т. д.). Совпадения между национализмом и религией были детально описаны в классической работе

Карлтона Хейса [Hayes 1960]. Даже советская государственная идеология, хотя и не была национальной, часто концептуализировалась как гражданская религия [Восock 1985: 220]. Религиозные аспекты государственной идеологии в СССР были подробно исследованы Кристел Лэйн [Lane 1981].

2. Духовно-нравственные ценности: скрытая гражданская религия

В специфическом российском контексте функциональная демократия нуждается в собственном методе обеспечения трансцендентной легитимности. Религиозная санкция должна обеспечиваться на равном удалении от существующих религий. Иными словами, гражданскую религию придется изобретать, не затрагивая болезненные религиозные точки. Например, эта религия не может быть основана исключительно на православии, потому что это вызвало бы отрицательную реакцию со стороны мусульман, буддистов, агностиков, атеистов и др. Нельзя согласиться с мнением архимандрита Кирилла [Говоруна], что «православная Церковь играет важнейшую роль в конструировании новой гражданской религии России» [Новогун 2017: 258]. По моему мнению, православие и Церковь играют некоторую роль, но небольшую. Русская православная церковь, как и мусульманские, буддийские и прочие религиозные организации, вовлечена в обсуждение предложенных ценностей, но ее слово не всегда является решающим. Российская гражданская религия неизбежно будет синкретичной и «бриколажной» (мозаичной) [Stepanova 2015: 126]. Она может включать некоторые элементы православия, как и дохристианских верований, но будет одинаково открытой для заимствований из других религиозных систем и идеологий.

Поиск гражданской религии в России замедлен, так как этот термин официально не используется. Вместо этого применяют более привычный термин «национальная идея», который в постсоветский период претерпел эволюцию от «русской идеи» дореволюционных и эмигрантских публицистов до «российской идеи» современного официального языка. Слово «идеология» не употребляется вообще, так как навязывание идеологии запрещено Конституцией РФ.

«Нация» в Конституции 1993 г. не упомянута. В то время это слово было немодным, вместо него обычно использовали расплывчатое понятие «народ». Следуя советской языковой традиции, граждан России официально называли народом, состоящим из индивидов разных «национальностей» (то есть этнических групп). Конституция упоминает «многонациональный народ» – термин, который подвергался острой критике со стороны, например, Валерия Тишкова, ведущего российского этнолога и министра национальностей в правительстве РСФСР в 1992 г. В 1999 г. в программной статье «Забыть о нации» он назвал язык «многонациональности» саморазрушительным и потенциально ведущим к дезинтеграции России по причине усиливающегося национализма «внутренних наций» [Тишков 2003: 147]. Тишков придерживается конструктивистского подхода к нациям и сохраняет скептицизм в отношении самой концепции, считая ее избыточной и даже «призрачной» [Там же: 167]. О нации, конечно, не забыли, но конструктивизм в конечном итоге возобладал в российской политике – не потому, что исчезли сконструированные внутригосударственные нации, но благодаря переходу к конструированию целостной российской нации.

Федеральная целевая программа 2013 г. «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России» [ФЦП... 2013] официально расшифровывает понятие многонационального народа как «российскую нацию», но переход к подобной терминологии занял более десяти лет. основополагающая статья будущего президента В. В. Путина 1999 г. «Россия на рубеже тысячелетий», опубликованная перед началом первого срока его полномочий, упоминает нацию как случайный синоним «населения»; для этого документа нация, безусловно, не является центральной концепцией. Однако именно к статье 1999 г. восходит официальный дискурс о российском единстве: В. В. Путин определяет Россию как «внутренне разобщенное» общество, нуждающееся в социальном консенсусе относительно целей и ценностей. Он резко возражает против введения идеологии, предлагая вместо этого опереться на «исконные, традиционные ценности россиян» [Путин 1999].

Большинство наблюдателей согласны, что использованная терминология свидетельствует о гражданском (не этническом) характере национальной идеи в официальном дискурсе. Пол Колстё полагает, что «продолжая говорить скорее о россиянах, чем о русских, Путин обозначил, что собирается продолжать многоэтническое или надэтническое национальное строительство, начатое его предшественником» [Kolstø 2004: 5]. Финский исследователь Веера Лайне справедливо утверждает, что «на уровне дискурса современный российский государственный национализм не опирается на этнические или гражданские характеристики, даже если мы решим применить подобные категории» [Laine 2016: 28]. Нельзя согласиться с высказыванием, что в 2012 г. официальная риторика в России стала более этнически ориентированной [Blakkisrud 2016: 255]. Возможно, дело всего лишь в том, что слово «русские» часто используется как общее понятие, обозначающее все российские этнические группы.

В 1999 г. В. В. Путин определил четыре ключевые ценности, объединяющие народы России: патриотизм, державность, государственничество, общественную солидарность [Путин 1999]. В тот момент эти ценности не были ни полностью национальными, ни «исконными». Будущий президент видел «новую русскую идею» как органическое единство общечеловеческих ценностей с самобытными российскими, выдержавшими проверку временем [Там же]. Названные ценности также не были консервативными ни в каком значимом смысле: например, семья вообще не попала в этот список.

Семья превратилась в одну из безоговорочных российских ценностей не ранее, чем в качестве официальной идеологии партии «Единая Россия» возник так называемый «российский консерватизм». В программном документе 2009 г. «Россия – сохраним и приумножим!» партия провозгласила следующие ценности общими для граждан России: любовь к родине, крепкая семья, здоровый образ жизни, профессионализм и гражданская солидарность [Программный... 2009]. Примерно с этого момента традиционные ценности стали еще и консервативными. Семья постепенно превратилась в главную из них; в конце 2017 г. традиционное новогоднее обращение президента было почти полностью посвящено радостям семейной жизни [Новогоднее... 2017].

Российские ценности постепенно все менее сосредоточивались на государстве и все более – на духовных связях. Их общепринятым обозначением стано-

вятся «духовно-нравственные ценности». Важным представляется также появление синонимичной метафоры «духовные скрепы», которая впервые прозвучала в выступлении Президента РФ В. В. Путина перед Федеральным собранием в 2012 г., когда он заметил, что «российское общество испытывает недостаток духовных скреп» [Послание... 2012]. Метафора, в зависимости от намерений говорящего, может быть использована серьезно или с юмором. Сократившись до просто «скреп», она стала поговоркой, популярным мемом и элементом демотиваторов.

Ценности, или скрепы, можно найти в официальной риторике в разных вариантах. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на 2015–2025 гг. содержит следующий список духовно-нравственных ценностей: человеколюбие, справедливость, честь, совесть, воля, личное достоинство, вера в добро, стремление выполнить моральные обязательства перед собой, своей семьей и перед Отечеством [Стратегия... 2015]. Эта версия ценностей адаптирована к целям воспитания. К удивлению иностранных исследователей, духовно-нравственные ценности стали даже частью Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [Cuganović 2012: 243]. Норвежский ученый Ярдар Ёстбё даже подсчитал, что слово «духовный» в последней версии этого документа использовалось 15 раз [Стратегия... 2015], знаменуя, что ценности в России стали предметом безопасности [Østbø 2016: 1–2]. Важность такого нововведения очевидна, поскольку последние два десятилетия о «духовной безопасности» в России говорили только оппозиционные политики из коммунистического или национально-патриотического лагеря [Hogvath 2016; Stepanova 2015].

Несмотря на множество упоминаний, официального списка традиционных духовно-нравственных ценностей все еще не существует. Неясно даже, что означает «традиционные»: полузабытые досовременные, к которым надо вернуться, или просто общие, давно устоявшиеся, которые надо сохранить? Или и то и другое? Что этим ценностям противостоит: современные или чуждые ценности? С моей точки зрения, ответы на эти вопросы второстепенны. Концепция традиционных ценностей появилась как индикатор социального кризиса. В стабильной ситуации люди просто живут в соответствии со своими ценностями, не рассматривая ни ценности, ни практики как традиционные. Потребность в традиционных ценностях появляется, когда последние находятся под угрозой, близки к исчезновению или нуждаются в восстановлении. Независимо от содержания традиционных ценностей, они с функциональной точки зрения являются ответом на кризис, который угрожает разрывом социальных связей (отсюда и метафора «скреп»). Таким образом, традиционные ценности в России являются функциональным аналогом гражданской религии.

Традиционные ценности сформированы нечетко, а содержание гражданской религии – с точки зрения устоявшихся религий – смутно, так как четкие определения были бы отвергнуты одной из антагонистических групп. Датский религиовед Оле Рийс, говоря об объединительной роли ритуалов гражданской религии, предполагает: «...эти ритуалы избегают открыто провозглашать, какая трансцендентная сила придает режиму сакральный характер» [Riis 1998: 260]. В то же время предельная неясность ценностей делает их неотличимыми от ценностей любой другой нации. Поэтому российские ценности должны быть сформулированы с

умом: быть достаточно смутными, чтобы не оттолкнуть многочисленные внутри-государственные группы, но достаточно специфичными, чтобы соответствовать задачам национального строительства.

3. Ритуалы Победы: воплощение ценностей на практике

Говоря о конкретных духовно-нравственных ценностях, я хотела бы сосредоточиться на концепции Победы в Великой Отечественной войне, которая обладает потенциалом, чтобы стать главным элементом создаваемой российской гражданской религии. Победу обычно не называют напрямую среди традиционных ценностей, тем не менее это, несомненно, ценность, или, фигурально выражаясь, «духовная скрепа». Косвенным образом ее можно найти «внутри» таких ценностей, как патриотизм или долг перед Отечеством и семьей. Победа – единственная безопасная платформа, которая может помочь правительству преодолеть указанные выше социальные антагонизмы. Относительно Победы в России существует социальный консенсус: большинство населения ею гордится. Незначительное меньшинство, не признающее Победу, в рассмотрение можно не принимать. Например, согласно опросу ФОМ в мае 2017 г., только 2 % респондентов выразили негативные (плохие, тяжелые) ассоциации с Победой [Война... 2017].

Понимание Победы и Дня Победы как «скрепы» вряд ли можно найти в текстах, особенно официальных. Тем не менее оно широко распространено на уровне повседневных практик. Можно привести пример «уроков мужества», которые в обязательном порядке проводятся в школах России несколько раз в год. Эти уроки соответствуют таким праздникам, как День защитника Отечества (23 февраля), День Победы (9 мая), первый день школьных занятий (1 сентября – с 2010 г.). На этих уроках школьники узнают прежде всего о подвигах, совершенных их предками во время Великой Отечественной войны. Такие практики существовали и в советский период, но советская Победа ассоциировалась с конкретным историческим событием (большинство ветеранов войны в то время были живы и вполне активны); ни в каком аспекте она не рассматривалась как «национальный праздник». На неформальном уровне у Победы были национальные нотки, но официальная позиция четко провозглашала, что это великое историческое событие стало возможным только благодаря идеологическому превосходству коммунизма.

Первоначальное понимание Победы в СССР было историческим; ее годовщина даже не сразу стала выходным днем. Сакрализация и деисторизация Победы восходят к 1965 г., когда праздник был установлен официально. Это вылилось в массовое строительство военных памятников и мемориалов Вечного огня по всему Советскому Союзу. В настоящее время, когда военное поколение почти сошло со сцены, празднование Дня Победы стало внеисторическим. День Победы соединяет прошлое с настоящим [Браун 2015], обеспечивая то, что известный российско-американский антрополог Сергей Ушакин называет «хронографической сшивкой» [Ушакин 2014]. Можно добавить третий компонент – будущее: концепция Победы и народа-победителя включает предвидение побед завтрашнего дня.

Девятого мая в России отмечают не просто победу в конкретной войне, но и национальную победу над моральной деградацией, экономическими вызовами, демографическими угрозами и т. д. Этот праздник связывает нацию воедино, обеспечивая государству трансцендентную легитимность. Он помогает укрепить связи российских граждан с соотечественниками за рубежом – бывшими советскими гражданами и их потомками, для которых важной частью идентичности является как русский язык и культура, так и советское наследие. Объекты и события, относящиеся к Победе, обладают множественными смыслами (историческими, символическими, трансцендентными, политическими и др.) и в значительной степени подвергаются так называемой «расширенной интерпретации» [Колягина, Конрадова 2015]. Одним из объектов со многими смыслами является георгиевская ленточка – от политических смыслов (символ пророссийских настроений за рубежом) до исторических и религиозных [см., например: Ушакин 2014]. Роль организованной религии (православия) в данном случае ограничена и инструментальна (религия обеспечивает санкционирование политики).

Трансцендентные аспекты Победы обнаруживают ее природу как компонента гражданской религии. Эти аспекты очевидны, когда мы наблюдаем ритуалы этого праздника. В настоящее время новые ритуалы являются единственным компонентом гражданской религии, доступным для научного исследования, – частично потому, что отсутствует последовательная идеология. Многое остается невысказанным и может быть познано только посредством тщательного этнографического исследования гражданских ритуалов. Большая часть доступной этнографии посвящена возникающим формам празднования Дня Победы в России при наличии специфических исследований о Москве, других регионах и зарубежье.

Этнографические исследования оставляют впечатление, что ритуалы Дня Победы успешно выполняют задачи гражданской религии. Они объединяют российских граждан друг с другом, воплощая в то же время, как формулирует Джуди Браун, «и местную, и наднациональную постсоветскую солидарность» [Браун 2015]. Помимо этого, День Победы способен легитимизировать существующую политическую систему, которая воспринимается как наследница победившей (то есть имеющей трансцендентную легитимность) системы. Немецкий исследователь Михаил Габович приходит к выводу, что «российские власти фактически официально провозгласили себя распорядителями наследия Победы и привязали “победное” воспоминание о войне к идентификации с современной Россией и ее политикой коммеморации» [Габович 2015]. Это утверждение можно проиллюстрировать тем фактом, что георгиевская ленточка и другие знаки Победы (песня 1954 г. «Легендарный Севастополь») стали символами пророссийской ориентации в 2014 г., в дни референдума в Крыму.

Другая важная и пока уникальная черта Дня Победы: помимо общественных празднований, он делает возможными частные ритуалы, объединяющие российские семьи (семья находится в списке традиционных ценностей). Акция «Бессмертный полк» демонстрирует беспрецедентное число участников. Первая официально поддержанная процессия в Москве в 2015 г. (на семидесятилетие Победы) собрала более 500 тыс. человек, включая В. В. Путина, который нес портрет своего отца; в 2016-м – около 700 тыс. человек, в 2017-м – 750 тыс. участников [«Бессмертный полк» в Москве... 2017]; в 2018-м – более 1 млн человек [«Бес-

смертный...» 2018]. Сообщается, что число участников процессии по всей России достигло в 2017 г. 7,8 млн человек [«Бессмертный полк» расширяет... 2017], в 2018 г. – 10,4 млн [Названо... 2018]. В 2018 г. вместе с президентом России в шествии приняли участие президент Сербии А. Вучич с портретом своего деда и премьер-министр Израиля Б. Нетаньяху с портретом Героя Советского Союза Вольфа Виленского.

«Бессмертный полк» расширяется с каждым годом, включая теперь не только ветеранов боевых действий, но и тружеников тыла. В 2016 г. интенсивные сетевые дискуссии вызвал тот факт, что депутат Государственной думы Вячеслав Никонов присоединился к шествию с портретом своего деда Вячеслава Молотова. Никонов отверг попытку обвинить своего предка в заключении пакта о ненападении с нацистской Германией и заявил: «Дело не только в его заслугах перед страной. Для меня главное, что он – родной человек, и абсолютно естественно встречать День Победы с ним» [Вячеслав... 2016]. В будущем, если традиция закрепится, она может расширяться и включить менее близких родственников, а также напоминать не только о данной войне, но и обо всех победах (не только военных), которые имели место в истории России.

Гражданская религия, разумеется, требует больше ритуалов, чем одно только празднование Дня Победы. Существуют и другие праздники, обладающие потенциалом, чтобы превратиться в «духовные скрепы» зарождающегося гражданского культа. Например, ритуал купания в проруби на Крещение ранее ассоциировался только с православным христианством, но в крещенских купаниях 2018 г. принимали участие не только православные. Мусульмане России тоже окунулись в холодную воду: по крайней мере одна прорубь была сделана в форме полумесяца [В Татарстане... 2018], и по крайней мере один человек во время купания крикнул «Аллаху Акбар!» [Аллаху... 2018]. Эти инциденты, конечно, просто курьезы, но они симптоматичны. У купаний есть все шансы стать всероссийским гражданским ритуалом, и некоторые иностранцы уже воспринимают их именно так. По крайней мере, 21 января 2018 г. посол США в России (по вероисповеданию – мормон) искупался в проруби, чтобы «больше узнать о духовных традициях» России [Посол... 2018].

По некоторым причинам два официально провозглашенных постсоветских праздника, не имевших аналогов в прошлом, были восприняты людьми довольно холодно и остались бессмысленными лишними выходными. 4 ноября 2005 г. был установлен День народного единства. Одновременно был ликвидирован День Октябрьской революции 7 ноября (сначала была сделана попытка сохранить его как День примирения и согласия). Популярности этот праздник так и не приобрел. Скорее всего, проблема заключается в том, что этот праздник был немедленно присвоен этническими русскими националистами, которые начали проводить в этот день свой Русский марш (в 2014 г. этот марш в связи с разногласиями в среде националистов по поводу Крыма распался на два мероприятия и был полностью дискредитирован). 12 июня, День России (установленный в 1992 г. как День принятия Декларации о государственном суверенитете России), связан для большинства граждан с недобрыми воспоминаниями о крахе СССР, последующих вооруженных конфликтах, международном унижении страны. Важно и то, что популярный праздник не должен быть навязан сверху. Традиция Дня Победы сильна

потому, что это не только национальный, но и семейный праздник. Отмеченный выше домашний, семейный аспект Дня Победы существовал и в советском прошлом [Колягина, Конрадова 2015]. «Бессмертный полк» зародился как инициатива снизу, и сначала его даже воспринимали как нечто оппозиционное официальным ритуалам [Gabowitsch 2016: 11]. Вне России, во многих постсоветских государствах, День Победы по-прежнему отмечают частным образом или в порядке протеста.

Заключение

В заключение хотелось бы повторить, что поворот к декларациям о ценностях и морали в российской внутренней политике вызван неотложной необходимостью решить две взаимосвязанные политические задачи: достичь национального единства вопреки тому, что общество разделено на антагонистические группы, и обеспечить трансцендентную легитимность существующей политической системы. Обе задачи решаются в процессе конструирования гражданской религии. Данный термин официально никем не используется, но то, каким образом построен разговор о духовно-нравственных ценностях, а также характер некоторых гражданских ритуалов, связанных (на данном этапе создания гражданской религии) в основном с Днем Победы, демонстрирует, что идет именно процесс создания гражданской религии.

Важно также подчеркнуть, что политические процессы в России обусловлены внутренними задачами. Обсуждение духовно-нравственных ценностей не является реакцией на политику Запада, хотя уже появилась литература, в которой утверждается, что чуть ли не главной задачей правительства является именно противопоставление России Западу [Horvath 2016; Laruelle 2014; Stepanova 2015; Stroop 2016]. В то же время между российским и западным дискурсами о традиционных ценностях существенной разницы нет. Внутри России существует интеллектуальная тенденция надеяться на «традиционалистский интернационал», и она не совсем необоснованна: существуют связи между традиционалистскими политическими движениями вне России и внутри нее. Но масштаб и значение этих связей преувеличиваются как их участниками, так и исследователями.

Литература

«Аллаху Акбар» на Крещение [Электронный ресурс] : Islam News. 2018. 19 января. URL: <https://www.islamnews.ru/news-allahu-akbar-na-kreshhenie-video/>.

Белла Р. Основные этапы эволюции религии в истории общества // Религия и общество: хрестоматия по социологии религии / сост. В. И. Гараджа, Е. Д. Руткевич. М. : Аспект Пресс, 1996. С. 665–677.

«Бессмертный полк» в Москве установил рекорд численности [Электронный ресурс] : Lenta.ru. 2017. 9 мая. URL: https://lenta.ru/news/2017/05/09/record_polk/.

«Бессмертный полк» расширяет географию и бьет рекорды по численности [Электронный ресурс] : РИА Новости. 2017. 9 мая. <https://ria.ru/society/20170509/1493946876.html>.

«Бессмертный полк» в Москве установил рекорд по числу участников [Электронный ресурс] : РИА Новости. 2018. 9 мая. URL: <https://ria.ru/society/20180509/1520239817.html>.

Браун Дж. Перформативная память: празднование Дня Победы в Севастополе [Электронный ресурс] : Неприкосновенный запас. 2015. № 3. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyu_zapas/101_nz_3_2015/article/11515/.

Война и Победа. Правдиво или нет освещается история войны в нашей стране? [Электронный ресурс] : ФОМ. 2017. 8 мая. URL: <http://fom.ru/Proshloe/13313>.

Вячеслав Никонов объяснил выход с портретом Молотова на «Бессмертный полк» [Электронный ресурс] : Tech24news. 2016. 11 мая. URL: <http://www.tech24news.ru/vyacheslav-nikonov-obyasnil-vyход-s-portretom-molotova-na-bessmertnyj-polk/>.

В Татарстане мусульмане прорубили крещенскую прорубь [Электронный ресурс] : Islam News. 2018. 20 января. URL: <https://www.islamnews.ru/news-v-tatarstane-musulmane-vyrubili-kre/>.

Габович М. Памятник и праздник: этнография Дня Победы [Электронный ресурс] : Неприкосновенный запас. 2015. № 3. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyu_zapas/101_nz_3_2015/article/11512/.

Колягина Н., Конрадова Н. День Победы на Поклонной горе: структура пространства и ритуалы [Электронный ресурс] : Неприкосновенный запас. 2015. № 3. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyu_zapas/101_nz_3_2015/article/11514/.

Названо число участников шествия «Бессмертный полк» в городах России [Электронный ресурс] : Взгляд. 2018. 9 мая. URL: <https://vz.ru/news/2018/5/9/921880.html>.

Новогоднее обращение Президента России Владимира Путина [Электронный ресурс] : Первый канал. 2017. 31 декабря. URL: <https://www.1tv.ru/shows/novyy-god-2018/novyy-god-na-pervom-2017/novogodnee-obrashenie-prezidenta-rossii-vladimira-putina>.

Обращение Президента России Владимира Путина к гражданам России [Электронный ресурс] : Президент России. 2004. 4 сентября. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22589>.

Послание Президента Федеральному Собранию [Электронный ресурс] : Президент России. 2012. 12 декабря. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/17118>.

Посол США окунулся в прорубь ради познания «духовных традиций» России [Электронный ресурс] : РБК. 2018. 21 января. URL: <https://www.rbc.ru/society/21/01/2018/5a646be99a794782d0246a14>.

Программный документ «Россия: сохраним и приумножим!», принятый на XI съезде Всероссийской политической партии «Единая Россия» 21 ноября 2009 г. [Электронный ресурс] : «Единая Россия» – Ростовская область. 2009. 21 ноября. URL: http://old.rostov.er.ru/index.php?do=static&page=pr_part3.

Путин В. В. Россия на рубеже тысячелетий // Независимая газета. 1999. 30 декабря.

Резникова О. Скорбь и праздник в [пост]колониальном контексте. Этнографические заметки. Грозный 8, 9 и 10 мая [Электронный ресурс] : Неприкосновенный запас. 2015. № 3. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyu_zapas/101_nz_3_2015/article/11516/.

Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс] : Российская газета – Федеральный выпуск. 2015. 8 июня. URL: <https://rg.ru/2015/06/08/vospitanie-dok.html>.

Социальная концепция Русской православной церкви. М. : Даниловский благовестник, 2001.

Тишков В. А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М. : Наука, 2003.

Узланер Д. Картография постсекулярного [Электронный ресурс] : Отечественные записки. 2013. № 1. URL: <http://www.strana-oz.ru/2013/1/kartografiya-postsekulyarnogo>.

Ушакин С. А. Вспоминая на публике: Об аффективном менеджменте истории [Электронный ресурс] : Гефтер. 2014. 14 ноября. URL: <http://gefeter.ru/archive/13513>.

ФЦП «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России [2014–2020 годы]» [Электронный ресурс] : Правительство России. 2013. 20 августа. URL: <http://government.ru/docs/4022/>.

Юдкина А. «Памятник без памяти»: первый Вечный огонь в СССР [Электронный ресурс] : Неприкосновенный запас. 2015. № 3. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/nekpriksosnovennyu_zapas/101_nz_3_2015/article/11513/.

Baker D. World Religions and National States: Competing Claims in East Asia // *Transnational Religion and Fading States* / ed. by S. Rudolf, J. Piskatori. Boulder, CO : Westview Press, 1997. Pp. 144–172.

Bellah R. Civil Religion in America // *Daedalus*. 1967. Vol. 96. Pp. 1–21.

Berger P. L. The Desecularization of the World: A Global Overview // *The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics* / ed. by P. L. Berger. Grand Rapids : William B. Eerdmans, 1999. Pp. 1–18.

Blakkisrud H. Blurring the Boundary between Civic and Ethic: The Kremlin's New Approach to National Identity under Putin's Third Term // *The New Russian Nationalism: Imperialism, Ethnicity and Authoritarianism, 2000–2015* / ed. by P. Kolstø, H. Blakkisrud. Edinburg : Edinburg University Press, 2016. Pp. 249–274.

Bloch M. *The Royal Touch: Sacred Monarchy and Scrofula in England and France*. McGill : Queen's University Press, 1973.

Bocock R. Religion in Modern Britain // *Religion and Ideology. A Reader* / ed. by R. Bocock, K. Thompson. Manchester : Manchester University Press, 1985. Pp. 207–233.

Chebankova E. Contemporary Russian Conservatism // *Post-Soviet Affairs*. 2016. Vol. 32. No. 1. Pp. 28–54.

Curanović A. *The Religious Factor in Russia's Foreign Policy*. London; New York : Routledge, 2012.

Engström M. Contemporary Russian Messianism and New Russian Foreign Policy // *Contemporary Security Policy*. 2014. Vol. 35. No. 3. Pp. 356–379.

Gabowitsch M. Are Copycats Subversive? Strategy-31, the Russian Runs, the Immortal Regiment, and the Transformative Potential of Non-Hierarchical Movements [Электрон-

ный ресурс] : Problems of Post-Communism. 2016. November 29. Pp. 1–18. URL: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/10758216.2016.1250604>.

Hayes C. J. Nationalism: A Religion. New York : The Mackmillan Company, 1960.

Hone J. Literature and Party Politics at the Accession of Queen Anne. Oxford : Oxford University Press, 2017.

Horvath R. The Reinvention of “Traditional Values”: Nataliya Narochnitskaya and Russia’s Assault on Universal Human Rights // Europe-Asia Studies. 2016. No. 68. Vol. 5. Pp. 868–892.

Hovorun C. Civil Religion in the Orthodox Milieu // Political Theologies in Orthodox Christianity: Common Challenges – Divergent Positions / ed. by K. Stoeckl, I. Gabriel, A. Papanikolaou. London : Bloomsbury, 2017. Pp. 253–264.

Kolstø P. Nation-Building in Russia: A Value-Oriented Strategy // Nation-Building and Common Values in Russia / ed. by P. Kolstø, H. Blakkisrud. Oxford : Rowman & Littlefield Publishers, 2004. Pp. 1–27.

Laine V. State-Led Nationalism in Today’s Russia. Uniting The People With Conservative Values? FIIA Working Paper. Helsinki : The Finnish Institute for International Affairs, 2016.

Laine V., Saarelainen I. Spirituality as a Political Instrument: The Church, the Kremlin, and the Creation of the “Russian World”. FIIA Working Paper. Helsinki : The Finnish Institute for International Affairs, 2017.

Lane Ch. The Rites of Rulers: Ritual in Industrial Society – the Soviet Case. Cambridge : Cambridge University Press, 1981.

Laruelle M. Beyond Anti-Westernism: The Kremlin’s Narrative about Russia’s European Identity and Mission [Электронный ресурс] : PONARS Eurasia Policy Memo. 2014. Vol. 326. URL: http://www.ponarseurasia.org/sites/default/files/policy-memos-pdf/Peppm326_Laruelle_August2014.pdf.

Mitrofanova A. Orthodox Fundamentalism: Intersection of Modernity, Postmodernity and Tradition // Paradoxes and Heterogeneity in Russian Orthodoxy / ed. by K. Tolstaia. Leiden; Boston : Brill, 2014. Pp. 93–104.

Østbø J. Securitizing «Spiritual-moral Values» in Russia // Post-Soviet Affairs. 2016. Vol. 33. No. 3. Pp. 200–216.

Polese A., Horák S. A Tale of Two Presidents: Personality Cult and Symbolic Nation-building in Turkmenistan // Nationalities Papers: The Journal of Nationalism and Ethnicity. 2015. Vol. 43. No. 3. Pp. 457–478.

Riis O. Religion Re-Emerging: the Role of Religion in Legitimizing Integration and Power in Modern States // International Sociology. 1998. Vol. 13. No. 2. Pp. 249–272.

Schmitt C. Political Theology: Four Chapters on the Concept of Sovereignty. Chicago : University of Chicago Press, 2005.

Sharafutdinova G. The Pussy Riot Affair and Putin's Demarche from Sovereign Democracy to Sovereign Morality // Nationalities Papers. 2014. Vol. 42. No. 4. Pp. 615–621.

Smith D. E. Religion and Political Modernization: Comparative Perspective // Religion and Political Modernization / ed. by D. E. Smith. New Haven : Yale University Press, 1974. Pp. 3–28.

Stepanova E. The Spiritual and Moral Foundation of Civilization in Every Nation for Thousands of Years”: The Traditional Values Discourse in Russia // *Politics, Religion and Ideology*. 2015. Vol. 16. No. 2–3. Pp. 119–136.

Stroop Ch. A Right-wing International? Russian Social Conservatism, the World Congress of Families, and the Global Culture Wars in Historical Context // *The Public Eye*. 2016. Winter. Pp. 4–10.

Wilkinson C. Putting «Traditional Values» into Practice: The Rise and Contestation of Anti-Homopropaganda Laws in Russia // *Journal of Human Rights*. 2014. Vol. 13. No. 3. Pp. 363–379.